

ВЛАСТЬ И ЦЕРКОВЬ В РОССИИ ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ 1917 г.

Религиозный фактор на протяжении столетий выступал одной из основных социокультурных, цивилизационных характеристик российского исторического процесса. Государственно-конфессиональные отношения являлись существенной частью социально-политической истории России. После 1917 г. они приобрели особый драматизм и остроту, порой оказывая заметное влияние на общую ситуацию внутри страны и даже на международное положение советской России.

Послеоктябрьская советская Россия продолжала оставаться обществом, в котором сохранялись социально-экономические и психологические предпосылки воспроизводства религиозного сознания. В стране официально действовали, охватывая своим влиянием, миллионы последователей, вероисповедные объединения (на первых порах даже религиозно-политические партии) многих этноконфессиональных направлений. Все они находились в состоянии перманентных эволюционных и революционных видоизменений. Революция 1917 г. в очередной раз расколола общество, все его институты, в том числе и Церковь. Характер социальных процессов задавал определенные параметры религиозной ситуации в стране, существенно влияя на качественные характеристики религиозных систем, их содержательные характеристики и формы организации. Борьба ортодоксально-консервативных и модернистско-обновленческих тенденций свидетельствовала, среди прочего, о неоднородности духовенства и различиях в его социально-политической ориентации.

Жесткий государственный контроль, установившийся с петровских времен, закрепил худшие рабские традиции православия, лишил РПЦ реальной самостоятельности в обществе и позволил критикам самодержавия и самой Церкви рассматривать ее в качестве некоего служилого департамента, особого социального института, прочно впаянного в структуры монархической власти, вынужденного всегда или почти всегда следовать в фарватере об-

щеимперской политики. Это не могло не вызывать реакцию отторжения со стороны определенной и весьма значительной части российского общества.

Указанные особенности государственной вероисповедной политики в полной мере были использованы противниками самодержавной власти в России, в первую очередь, социал-демократами (большевиками), объявившими себя приверженцами марксистского учения.

Согласно марксистской точке зрения, религия вместе с политикой, правом и другими системами образует «надстройку», которая определяется экономическим строем общества и оказывает обратное воздействие на экономический базис.

Уже в первые два месяца своей деятельности советское правительство инициировало ряд общеполитических и общеэкономических решений, казалось, специально не направленных против Православной церкви, но вторгавшихся в большинство сфер жизнедеятельности РПЦ и напрямую затрагивавших ее интересы, в первую очередь, материальные: были конфискованы церковно-монастырские земли; Церкви грозила потеря всех ее банковских капиталов; были изданы (17–18 декабря 1917 г.) декреты о непризнании юридических прав за церковным браком и гражданской метрикой, тем самым произошло изъятие из рук РПЦ сферы брачно-семейных отношений и функции «ведения актов гражданского состояния», что лишало ее одного из существенных источников денежных поступлений.

Вместе с тем, в конце 1917 – начале 1918 г. власти предприняли ряд недружественных акций, уже непосредственно сориентированных против РПЦ, которую большевики рассматривали в качестве обломка старых монархических госструктур.

Еще до середины декабря 1917 г. были закрыты придворные церкви и их имущество национализировано [1].

Все учебные заведения, находившиеся в ведении РПЦ, постановлением СНК от 11 (24) декабря 1917 г. передавались (вместе со штатами, имуществом и капиталами) в ведение Наркомпроса с перспективой их полного закрытия в недалеком будущем (по крайней мере, в качестве государственных учреждений) [2].

2–3 января 1918 г. Петроградская Синодальная типография также перешла в руки Наркомпроса [3].

На последовавшие вслед за этим демарши Православной Церкви власти ответили ускорением работы над основополагающим документом советского законодательства о культурах.

Не обращая внимания на недовольство РПЦ, 14 января 1918 г. СНК предоставил право наркоматам закрывать храмы при государственных учреждениях (а ими, как правило, пользовалось и окрестное население) [4].

16 января 1918 г. подписывается Приказ Наркомвоенмор о расформировании всех управлений армейского духовенства и увольнении со службы военных священников всех вероисповеданий. Правда, за войсковыми комитетами частей, учреждений и заведений сохранялось право оставлять священнослужителей при наличии соответствующих просьб со стороны личного состава подразделений [5].

Имели место и факты открытых антицерковных гонений. 19 января (1 февраля) 1918 г. (после соответствующей резолюции СНК от 4 января) последовала попытка с помощью красноармейцев захватить Александро-Невскую Лавру в Петрограде, повлекшая за собой человеческие жертвы. Силовые действия сопровождались требованиями передачи имущества монастыря гражданским властям [6].

Неудача с захватом Лавры вынудила советское правительство устами В.Д. Бонч-Бруевича дезавуировать первоначально заявленные цели военной операции, пояснив, что власти намерены использовать лишь жилые помещения Лавры для размещения инвалидов, и речь о ликвидации самой обители, дескать, не шла и не идет [7].

Во избежание дальнейшего обострения обстановки правительство вынуждено было отказаться от намерения противодействовать общегородскому крестному ходу 21 января [8].

Принятый 20 января 1918 г. Декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» (опубликованный 23 января – 5 февраля 1918 г. за подписями министров – большевиков и левых эсеров под названием «Об отделении церкви от государства и школы от церкви») [9], являлся инструментом, с помощью которого государство надеялось довести до конца дело очищения общества

от ограничений в сфере свободы совести. Декрет создавал правовые, организационные, материальные условия, необходимые для того, чтобы каждый мог поступать сообразно своим убеждениям (полная свобода совести и вероисповедания) [10]. Вместе с тем, он ставил крест на намерениях РПЦ отстоять себя в качестве государственной (окологосударственной) организации, пользующейся известными преимуществами и привилегиями. Провозглашая светскость государства, подтверждая отмену в обществе любых ограничений и привилегий по религиозному признаку, декларируя общедемократические принципы свободы вероисповедания (включая право быть атеистом) и публично-правового равенства религий, Декрет, вместе с тем, вводил ряд ограничений (временных, как заявлялось, вызванных политико-идеологическими соображениями революционного периода) в деятельности религиозных объединений. Отныне все церковные и религиозные организации подчинялись общим положениям о частных обществах и союзах и не пользовались никакими государственными субсидиями. При этом они лишались права владеть собственностью и выступать в качестве юридического лица. Все их имущество объявлялось народным достоянием. Здания и предметы, предназначенные для богослужебных целей, по специальному постановлению местных органов власти передавались в бесплатное пользование верующим. Проведение обязательных сборов в пользу церковно-религиозных обществ, равно как и использование мер принуждения или наказания со стороны этих обществ по отношению к своим членам, не допускалось. Власть, не оставляя РПЦ времени на реорганизацию своей материальной базы на новых началах, закладывала тем самым основу будущих финансовых трудностей Церкви. Кроме того, Церковь полностью теряла контроль над процессом воспитания молодежи и попадала в затруднительное положение в вопросе подготовки новых кадров священнослужителей. Преподавание религиозных вероучений во всех государственных, общественных и частных общеобразовательных учебных заведениях не допускалось. Декрет сохранял за гражданами Советской России возможность «обучать и обучаться религии» только «частным образом».

Таким образом, Декрет, будучи документом в достаточной мере демократичным, не содержащим, за редким исключением, по-

ложений, резко отличавших его от соответствующих законодательных актов большинства европейских стран (фактически ряд положений декрета содержательно подтверждали законодательные акты Временного правительства в области регулирования деятельности религиозных объединений), вместе с тем, оставлял открытыми многие существенные вопросы церковно-государственных отношений.

Сразу же после официального опубликования текста Декрета, давление на РПЦ со стороны советских административных органов еще более усиливается. 20 января 1918 г. Комиссариат призрения издает распоряжение об отмене с 1 марта государственных дотаций и субсидий церковному духовенству (в т.ч. законоучителям): «Выдачу средств на содержание церквей... и совершение религиозных обрядов прекратить, выдачу же содержания священнослужителям ...прекратить с марта сего года». С марта 1918 г. духовенству выдавался четырехнедельный заработок, и предоставлялось право «работать на благо народа», выбрав другую специальность по желанию [11].

28–29 января 1918 г. А.М. Дижбитом, назначенным «уполномоченным СНК по ликвидации бывшего Синода», опечатываются помещения Св. Синода в Петрограде и конфискуются все синодальные капиталы (более 46 млн рублей в процентных бумагах и 1 млн наличностью) [12]. Попытка остановить «грабеж» Синодальной типографии и синодального казначейства путем вручения соответствующего протеста А.В. Луначарскому наталкивается на грубый отказ.

14 февраля 1918 г. был опубликован декрет об упразднении придворного духовенства, о закрытии придворных соборов и церквей, о лишении духовенства содержания и передачи благотворительных учреждений бывшего придворного духовенства со всеми принадлежавшими им капиталами в ведение Наркомата призрения [13].

Большевики рассчитывали на быстрое проведение декрета в жизнь, надеясь на полную дискредитацию «политического лица» духовенства и органов церковного управления, а также, имея ввиду рост антиклерикальных настроений в массах, (в т.ч. на се-

ле), являвшийся последствием процесса расцерковления значительной части населения [14].

Поддержав провозглашение равенства граждан вне зависимости от их отношения к религии, меры экспроприации церковно-монастырской недвижимости, крестьяне выразили недовольство введением гражданского брака и гражданской метрикации, лишением приходов имущественных прав и собственности, а также запретом на преподавание Закона Божия [15]. Большинство верующих выступили против обмирщения традиционного уклада жизни, ломки устоев, осуществлявшейся без всякой сколько-нибудь серьезной подготовки, в условиях различного понимания и толкования норм закона теми или иными инстанциями, при постоянных расхождении буквы закона и реальной практики, особенно в провинции [16]. В связи с этим Ем. Ярославский писал В.И. Ленину: «Проведение декрета... встретило особенно упорное сопротивление в деревне. Целый ряд иногда кровавых столкновений происходит на почве того, что население противится выносу икон и предметов культа из школ. Местные советы совершенно не считаются с волей подавляющего большинства ... православного населения» [17].

Сотрудник НКЮ, бывший православный священнослужитель М.В. Галкин в письме к В.Д. Бонч-Бруевичу от 1 (14) апреля 1918 г. отмечал, что «многие, не зная жизни и настроений России, к борьбе с церковью относятся очень легко... Здесь путь нашего расхождения, ибо я уверен, что борьба трудна, действия должны быть осторожны и методичны. Я указывал в коллегии, когда вырабатывался декрет, что будут по местам вспышки религиозных эксцессов, что будет кровь, но мои слова встречались с улыбкой. Жизнь показала справедливость моих слов» [18]. «Может быть я недостаточно настойчиво стучался в Ваши двери, чтобы повторить Вам о том, от чего Вы все равно не уйдете, – о необходимости координировать действия различных комиссариатов, направленные к ликвидации вековой связи между церковью и государством, в каком-то особом аппарате, каким должна явиться особая ликвидационная коллегия, непременно в Москве... Объединение вокруг клерикальных кругов политических элементов страны идет столь быстрыми шагами, что Вы ужаснулись бы, увидев эту картину во

весь грозный рост. Отсутствием разъясняющих положений уже ловко пользуются ваши политические противники... Создается и уже создана организация, вплоть до приходских, губернских и всероссийского церковных «комиссаров». Организации надо противопоставить организацию. Слову – убежденное слово. Силе, если угодно, ту правовую силу, которая могла бы заставить служителей алтаря стоять у алтарей и не вторгаться со специфическим «восторговским» духом в несродную их званию и сану область чистой политики» [19].

14 (27) марта 1918 г. полномочная делегация Поместного Собора была принята в СНК наркомом НКЮ Д.И. Курским, управделами СНК В.Д. Бонч-Бруевичем и другими ответственными лицами [20].

Делегация заявила, что Декрет поставил РПЦ в положение юридически и фактически гонимой конфессии. В ответ представители правительства дали понять, что они осознают значимость упомянутого документа для судеб миллионов граждан, соглашались с тем, что отдельные его положения не до конца проработаны, и потому Декрет может быть изменен или дополнен другим, более либеральным документом, не противоречащим самому принципу отделения церкви от государства и школы от церкви. Успокоили «соборян» народные комиссары в их опасениях обнаружить в недалеком будущем культовые помещения Православной церкви находящимися в руках магометан, иудеев, сектантов или переоборудованными под столовые, чайные, кинотеатры. Впрочем, соборную делегацию просили все соображения по поводу Декрета изложить в письменной форме, а конкретные факты религиозных притеснений сообщать в соответствующие советские инстанции регулярно и незамедлительно.

Обещание учесть законные требования, пожелания, замечания верующих и даже привлечь священнослужителей к дальнейшей работе над культовым законодательством были даны от имени СНК и представителям иных конфессиональных объединений [21].

В середине апреля 1918 г. в соответствии с решениями СНК от 8 апреля 1918 г. и НКЮ от 13 апреля 1918 г. при Наркомате юстиции была создана специальная межведомственная комиссия (как это и было обещано соборной делегации народными комиссарами),

имевшая своей целью осуществить разработку текста Инструкции о проведении Декрета об отделении в жизнь и в последующем контролировать ее исполнение в центре и на местах. В комиссию вошли некоторые члены правительства, юристы, предполагалось также полноценное участие в работе комиссии представителей различных конфессиональных объединений (РПЦ, католической церкви, греко-католиков, старообрядцев и др.). Ее председателем был назначен один из разработчиков Декрета М.А. Рейснер. Однако, уже 8 мая 1918 г. комиссия была упразднена и вместо нее создан специальный отдел НКЮ, имевший порядковый номер VIII и получивший наименование – «ликвидационный» [22]. Его возглавил П.А. Красиков [23]. Новая структура должна была «ликвидировать» административно-управленческие иерархические церковные структуры, сросшиеся с государством, изъять из их ведения не свойственные им, навязанные государством функции, «расчистить общество от феодально-буржуазных ограничений свободы совести», каждодневно бороться с нарушениями культового законодательства с обеих сторон, организуя и контролируя работу местных и других органов по осуществлению положений Декрета и установлению церковно-государственных отношений на новой правовой базе. Среди прочих своих функций VIII отдел обязан был помогать соответствующим ведомствам в «пресечении контрреволюционной деятельности религиозных объединений» [24]. Лица духовного звания в составе комиссии теперь уже не значились. Разъяснения и указания VIII отдела НКЮ вплоть до сентября 1918 г. были единственными правовыми документами, регламентировавшими порядок разрешения практических вопросов, связанных с отделением церкви от государства.

Согласно циркуляру общего отдела НКЮ от 29 мая 1918 г. при губисполкомах (в ряде случаев – при горисполкомах) были также сформированы специальные церковные отделы и подотделы, в некоторых губерниях созданы специальные комиссариаты по церковным делам [25].

Образование «ликвидационного» отдела НКЮ с соответствующей инфраструктурой на местах знаменовало усиление антицерковной направленности во внутренней политике правительства. Показательно, что когда 18 мая 1918 г. на заседании VIII отдела

НКЮ М.А. Рейснер инициировал обсуждение возможности возврата религиозным объединениям права владения имуществом (без образования юридического лица), большая часть присутствовавших, включая руководство наркомата, на уступки «по политическим соображениям» революционного времени идти отказалась из-за безусловной конфронтационной настроенности главных конфессиональных объединений. При этом РПЦ и Католическая церковь были прямо названы «врагами» советской власти [26].

Новая (скорректированная в сторону ее ужесточения) политико-юридическая линия в отношении РПЦ, заявленная в середине мая 1918 г. на заседании «ликвидационного отдела НКЮ», имела своим продолжением принятие решений об ограничении гражданских прав лиц духовного звания. Это было закреплено отдельной статьей Конституции РСФСР (10 июля 1918 г.).

Вслед за этим 24 августа 1918 г. была одобрена, а 30 августа опубликована специальная Инструкция НКЮ «О порядке проведения в жизнь Декрета об отделении...» [27]. Под действие Инструкции попадали «церкви, частные религиозные общества, образованные для отправления культа; все общества, ограничивавшие круг своих сочленов лицами одного вероисповедания (преследовавшие цели ведения благотворительной, просветительной и иной деятельности, оказания непосредственной помощи и поддержки определенному религиозному культу в смысле содержания духовных лиц или финансирования каких-либо религиозных учреждений). Действие Инструкции распространялось на все вероисповедания.

Инструкция подтверждала, что правами юридического лица церковно-религиозные объединения обладать не могут. Ведение ими благотворительной и просветительной деятельности категорически воспрещалось [28]. Возможности организованного преподавания основ вероучения и подготовки кадров священнослужителей чрезвычайно ограничивались. Имущество, которое ко времени издания Декрета находилось в руках «вероисповедных учреждений и обществ», по описи (в 2-х месячный срок) переходило в «заведование» местным советам и передавалось в бесплатное пользование инициативным «группам верующих» (т.н. «двадцаткам»), из числа местных жителей, которым предоставлялось право самим

приглашать (нанимать) членов церковного причта. Именно с этими «группами» религиозных активистов из числа мирян, (а не с церковно-иерархическими структурами) заключался особый договор об аренде культового имущества, в котором фиксировалась обязанность религиозной общины за свой счет содержать и ремонтировать молитвенные здания (предусматривалась возможность складчины для целей культа). Условия договора предоставляли возможность властям беспрепятственно (во внеслужебное время) проверять наличие и сохранность имущества, а также, фактически, обязывали членов «двадцаток» следить за тем, чтобы в храмах не распространялась антисоветская литература и не велась антисоветская пропаганда под видом религиозной проповеди.

Не предназначенное специально для богослужебных целей имущество церковных и религиозных обществ, а также «бывших вероисповедных ведомств» (дома, земли, свечное производство) подлежало «незамедлительному» изъятию (если этого еще не было осуществлено до опубликования Инструкции), «наличные капиталы вероисповедных ведомств» должны были быть приняты в 2-х недельный срок. Метрические книги всех исповеданий передавались в губернские отделы Загсов.

Строительство новых храмов и молитвенных домов допускалось при условии соблюдения технико-строительных норм и правил. Религиозные церемонии (равно как и нахождение религиозных изображений) в государственных и иных публично-правовых общественных помещениях воспрещались. Проведение религиозных обрядов на улицах требовало заблаговременного письменного разрешения местных советов.

Таким образом, Инструкция еще более (по сравнению с текстом Декрета) усиливала ограничительно-запретительную направленность правовых норм, создавая значительные трудности на пути осуществления либо практически делая невозможным для Церкви ведение благотворительной, просветительно-педагогической, миссионерской деятельности. Тем самым церковь вытеснялась из привычной социокультурной ниши. При этом в системе ценностных представлений подрывался принцип иерархичности [29]. Нормативные документы подчеркнуто игнорировали официальные организационные структуры РПЦ (исторически сло-

жившиеся особенности их функционирования): Церковь, как определенная иерархическая организация, (и одновременно духовенство как сословие) ставились, по сути, вне закона [30]. Де-юре допускалось существование лишь отдельных «групп» граждан, объединенных исключительно целями удовлетворения религиозных потребностей, получавших в пользование церковное имущество [31], ныне числившееся на балансе советов, с предоставлением им полной самостоятельности (по отношению к официальному церковному руководству) вплоть до выбора духовных руководителей и провозглашения себя автономными церковными обществами (общинами). То есть, признавалось *как* право выбора традиционной церковной юрисдикции, так и право образования новых и самостоятельных органов церковного управления [32].

Разъяснение сути и цели опубликования Инструкции от 24–30 августа 1918 г. были даны одним из руководителей НКЮ П.А. Красиковым на страницах журнала «Революция и церковь». По его словам, издавая это ведомственное постановление, конкретизировавшее базовый Декрет, государство рассчитывало решить сразу несколько задач: разбить церковную организацию как составную часть старой государственной машины; «уменьшить удельный вес церковников как проводников крепостнических и буржуазных тенденций»; «положить конец вековым влияниям церкви на государственную и общественную жизнь», передав благотворительные, просветительские и иные функции в руки самого народа [33].

Создание «ликвидационного» отдела и опубликование «Инструкции» было истолковано руководством РПЦ, как подтверждение того факта, что большевики от провозглашенных ими ранее принципов не отступят и компромиссы в этом отношении с ними вряд ли возможны. Все это окончательно разводило государство и Церковь по разные стороны баррикад.

Тотальная форма православия и ожесточенно-бескомпромиссный атеизм — две альтернативные идеологии, предрасположенные к политическому монологу, обе претендовали на то, чтобы дать ответ на все жизненно важные вопросы, волновавшие отдельного человека и все общество в целом. В силу того, что и Православной Церкви, и большевикам были свойственны мировоз-

зренческая нетерпимость и претензии на исключительное право духовного водительства массами, их отношения достаточно быстро стали приобретать неконструктивный, конфликтный характер. То была конфронтация двух противоположных друг другу мировоззренческих конструкций, смертельная схватка двух авторитарных идеологий, борьба за умы и сердца своих сограждан. Как писал Н. Бердяев [34], «...непримиримо враждебное отношение коммунизма ко всякой религии не есть явление случайное... коммунистический строй есть крайний этатизм, в нем государство абсолютно», он требует своего признания не только в качестве социальной системы. Коммунизм сам «хочет быть религией, идущей на смену христианству. Он претендует отвечать на религиозные запросы человеческой души, дать смысл жизни. Коммунизм целостен, он охватывает всю жизнь... поэтому его столкновение с другими религиозными верованиями неизбежно» [35].

Примечания

1. Церковные ведомости. 1918. №1. С.25 (прибавления).
2. Декреты Советской власти. Т.1. – М., 1957. С.210–211.
3. Церковные ведомости. 1918. №1. С.22–24 (прибавления); Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн.6. Вып.1. – М., 1918. С.30.
4. Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. – М., 1991. С.36–38.
5. Собрание узаконений РСФСР (СУ). 1918. №39.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.19. Оп.1. Д.40. Л.1об., 13; ГА РФ. Ф.130. Оп.2. Д.1. Л.1–3.
7. Церковные ведомости. 1918. №2. С.82–84 (прибавления); Шкаровский М.В. Петербургская епархия... С.23.
8. Бонч-Бруевич В.Д. Избранные атеистические произведения. – М., 1973. С.142.
9. Собрание узаконений и распоряжение Рабочего и крестьянского правительства [РСФСР] (СУ). 1918. №18. С.263; Декреты Советской власти. Т.1. С.371–374; РГАСПИ. Ф.19. Оп.1. Д.52. Л.1–6; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство (1917–1941 гг.): Документы и фотоматериалы / Сост. О.Ю. Васильева. – М., 1996. С.25–30.
10. Одинцов М.И. Государство и церковь в России: XX век. – М., 1994. С.51.
11. СУ. 1917. №17. С.249; Персиц М.М. Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР (1917 - 1919). – М., 1958. С.103
12. РГИА. Ф.796. Оп.445. Д.246. Л.17; Д.23. Л.23; ГА РФ. Ф.130. Оп.23. Д.9. Л.181; Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. С.46.

13. ЦГА СПб. Ф.143. Оп.1. Д.83. Л.2–3об.; Д.84. Л.31об.; Шкаровский М.В. Петербургская епархия... С.30–31.
14. Леонтьева Т.Г. Православные подданные и большевистская революция: особенности адаптации к «новому миру» в годы Гражданской войны // Гражданская война в России: события, мнения, оценки. – М., 2002. С.504, 506.
15. Одинцов М.И. Государство и церковь в России: XX век. С.53.
16. Шкаровский М.В. Русская православная церковь и религиозная политика советского государства ... С.126.
17. ГАРФ. Ф.353. Оп.2. Д.696. Л.216.
18. Рукописный отдел Государственного музея истории религии (РО ГМИР). Ф.2. Оп.4. Д.16. Л.8–9; Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. С.29; Одинцов М.И. Государство и церковь в России: XX век. С.54.
19. Цит. по: Брушлинская О. «Я чувствую правду вашего движения» // Наука и религия. 1987. № 11. С.7–8.
20. Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т.8. – М., 1999. С.58–59.
21. ГА РФ. Ф.130. Оп.2. Д.155. Л.32–33.
22. Отечественные архивы. 1993. №2. С.56–57; ГА РФ. Ф.353. Оп.2. Д.688. Л.6. 11–12., 14, 16, 21; Ф.130. Оп.2. Д.352. Л.131; РГАСПИ. Ф.19. Оп.1. Д.111. Л.8.
23. Красииков П.А.(1870 – 1939 гг.), из семьи учителя, образование незаконченное высшее. Член РКП(б) с 1892 г. С 1908 г. работал помочником присяжного поверенного в Пг. (вел дела об увечьях). С 1917 г. – председатель Следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, член коллегии НКЮ. С марта 1918 г. – зам. Наркома юстиции и председатель Кассационного трибунала при ВЦИК. С мая 1918 г. заведующий VIII отделом НКЮ. В 1919–1924 гг. редактор журнала «Революция и церковь». С 1924 г. – прокурор Верховного суда СССР, в 1933 г. – 1938 гг. – зам. Председателя Верховного суда СССР. Небезынтересно в связи с рассматриваемым вопросом отметить, что это именно П.А. Красиикову на историческом II съезде РСДРП Л. Мартов адресовал характерную реплику: «Ваш атеистический авантюризм мне претит». (Наука и религия. 1983. №10. С.30; Отечественные архивы. 1993. №2. С.57; Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина: Документы высших органов партии и государственной власти. Янв. 1922 – дек. 1936 гг. / Сост В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. – М., 2003. С.836 и др.).
24. Кривова Н.А. Власть и Церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. – М., 1997. С.13.
25. ГА РФ. Ф.353. Оп.2. Д.688. Л.21; Д.714. Л.60–61.
26. 8.05.1918 г. в VIII отделе обсуждался доклад проф. М. Рейснера, в котором была сделана попытка определить правовое положение религиозных и церковных обществ: «Гуковский (сотрудник VIII отдела) – доклад не разъясняет отмеченного в нем противоречия между предоставленным религиозным обществам религиозным обществам правом владения и лишением их прав юридического лица. Ибо раз общество как таковое получает право владения, то оно, значит,

становится субъектом права. Но быть субъектом права и не быть ни юридическим, ни физическим лицом – юридический абсурд. Галкин (сотрудник VIII отдела). – Допуская, что лишение религиозных обществ прав юридического лица, хотя и грешит против юридической стройности, но теперь, в период борьбы, этого права предоставлять религиозным обществам нельзя по политическим основаниям, что особенно ясно хотя бы из патриаршего обращения. Красиков (заведующий VIII отделом). – Также подчеркивает революционное время, и то, что крупные церкви (православная, католическая), безусловно, враждебны Советской власти. Это враги, с которыми нужно бороться, и потому никаких послаблений к 12-му и 13-му пунктам декрета допускать нельзя (ГА РФ. Ф.353. Оп.2. Д.689. Л. 9–10).

27. Известия ВЦИК. 1918. 30 авг.; СУ. 1918. №62. Ст.685.

28. Совместный циркуляр НКЮ, Наркомпроса и НКВД от 15.07.1920 г. допускал для религиозных организаций и объединений (как не обладавших правами юридического лица) возможность пользоваться штампами, бланками и печатями, выдавать удостоверения, свидетельства только в делах исключительно религиозного характера и категорически воспрещал поступать аналогичным образом при решении вопросов хозяйственного, торгово-промышленного свойства. (Гидулянов П.В. (Сост.). Церковь и государство по законодательству РСФСР. Сб. узаконений и распоряжений с разъяснениями V отд. НКЮ. – М., 1923. С.54).

29. Леонтьева Т.Г. Православные подданные и большевистская революция... С.499.

30. Кривова Н.А. Власть и Церковь в 1922–1925 гг. С.12.

31. В инструкции речь шла о 20 чел., но оговаривалось право местных совдепов необходимое и достаточное количество членов инициативной группы определять самостоятельно.

32. В июле 1920 г. VIII отдел НКЮ разъяснял, что представители церковной иерархии не имеют права отдавать никаких обязательных распоряжений, связанных с назначением священников для определенных групп верующих. Такого рода действия находятся целиком в компетенции самих прихожан. Советская власть также не вмешивается во внутренние взаимоотношения групп верующих (См.: Гидулянов П.В. (Сост.). Церковь и государство по законодательству РСФСР. С.57). 25.08.1922 г. VIII отдел НКЮ указывал, что высшие религиозные иерархические организации не подлежат регистрации со стороны властных структур ввиду отделения церкви от государства. (Гидулянов П.В. (Сост.). Церковь и государство по законодательству РСФСР. С.57).

33. Революция и церковь. 1919. №1. С.1–5.

34. Цит. по: Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. С.129.

35. Ту же мысль еще в 1917 г. высказывал С. Булгаков: «Социализм относится непримиримо к христианству, да и, в сущности, и ко всякой другой религии, ибо сам хочет стать религией и вытесняет всякую другую». (Булгаков С.Н. Христианский социализм: Сб. статей. – Новосибирск, 1991. С.232–233). О том, что большевизм является «формой русской религиозной идеи» писал в статье «Религиозная сущность большевизма» (1925 г.) и Л. Карсавин. (Звезда. 1994. №7. С.171–

172). «Религиозным учением, выступающим под флагом атеизма» называл коммунистическую идею (декабрь 1924 г.) митр. Сергей (Страгородский) (РО ГМИР. ф.4. Оп.2. Д.36. Л.1–23). Нонконформистски настроенные идеологи из Истинно-православной Церкви впоследствии также неоднократно подчеркивали, что «не уживается и не может ужиться христианство только с другой религией или ее имитацией, как бы таковая ни называлась». (Архив Управления ФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ по СПб. и ЛО. Фонд уголовных дел (ФУД). Д. П-78806: В 4 т. Т.3. Л.132, 137об.)).

О.В. Натолочная (Сочи)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ В 1945–1950 гг.: ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ, РЕШЕНИЯ

С окончанием Великой Отечественной войны перед советской милицией во всей полноте встали новые важные и сложные задачи. Криминогенная ситуация в СССР этих лет с позиции стороннего наблюдателя хорошо представлена в книге американской журналистки Э. Винтер, которая работала в Советском Союзе в 1944–1945 гг. Винтер отметила систематическое замалчивание в периодической печати фактов о совершающихся преступлениях, даже весьма громких [1].

В редакцию газеты «Правда» поступали письма от жителей страны о бандитизме, воровстве, хулиганстве в Москве, Новосибирске, Саратове, Пензе и других городах страны. Но опубликованы в газете они никогда так и не были. Более того, до начала 1990-х гг. они лежали в архиве под грифом «секретно». В 1990-е гг. допуск специалистов к ним был разрешен. Вот некоторые из них. Письмо от жителей города Архангельска: *«Безнаказанно орудуют шайки бандитов, терроризируют население города. С наступлением темноты жители боятся выходить на улицу. В кинотеатрах во время сеансов срывают головные уборы, ножами и бритвами портят верхнее платье. С наступлением темноты, часов в 7–8 вечера, жители запираются у себя в квартирах и никого не пускают»* [2].

Не менее разительные факты о разгулах бандитизма в Днепропетровске приводит в своем письме Кушнарера: *«Кончи-*